

Рост экономического влияния Китая на КНДР: есть ли у Сеула повод для беспокойства?

Олег Владимирович Кирьянов,
аспирант кафедры истории Китая ИСАА
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

КНР и КНДР с начала 2000-х гг. взяли курс на активизацию торгово-экономических связей. К концу первого десятилетия XXI в. Китай превратился в главного экономического партнёра Северной Кореи и основного инвестора. В Сеуле опасаются, что чрезмерная зависимость Пхеньяна от Китая может в определённой степени ограничить суверенитет КНДР и в конце концов стать препятствием для объединения. Опасения Южной Кореи имеют под собой основу, но всё же преувеличены. Однако по целому ряду причин у КНДР нет альтернативы активизации сотрудничества с Китаем. Эксперты и политики прогнозируют, что в ближайшие годы экономическая зависимость Северной Кореи от КНР будет расти.

Ключевые слова: КНР, КНДР, Южная Корея, торгово-экономические связи, инвестиции, товарооборот, китайско-северокорейские отношения.

**The growth of Chinese economic influence on North Korea:
is there any reason for Seoul to worry?**

Oleg V. Kiriyanov. Russian national newspaper "Rossiyskaya Gazeta", correspondent.

After the period of some deterioration the cooperation between Chinese People's Republic and the DPRK in the economic and trade field since 2000 quickly started to regain its previous scale and activity. By the end of the first decade of the XXI century China has become the main trade partner of North Korea as well as the biggest investor in the economy of the DPRK. This situation caused serious concern among many South Korean experts, politicians and became a hot topic of discussion in the mass-media. They worry that North Korea because of its excessive dependence in economy on China may lose freedom of action in the field of politics and this may hinder future prospects of the unification of the Korean peninsula. The worries of South Korea appear to be partly justified though seriously exaggerated. However due to a number of reasons DPRK has no other choice but keep intensifying its cooperation with China. The passive position of Seoul and absence of serious prospects for appearing any other country which may could serve a counterbalance to Chinese influence allow us to predict that the economic dependence of DPRK on China will continue to grow in the near future.

Key words: PRC, DPRK, China, North Korea, trade and economic ties, cooperation, investment, trade volume, dependence, Chinese-North Korean relations.

Северокорейский ядерный кризис, а также ситуация на Корейском полуострове давно привлекают внимание экспертов из разных стран. Положение в этом регионе регулярно накаляется: «ядерный кризис» 2002 г., испытания атомного и ракетного оружия, проведённые Пхеньяном в 2006 и 2009 гг., а также инциденты с потоплением корвета «Чхонан» и обстрелом южнокорейского Ёнпхёндо в 2010 г.

На этом фоне хотя и отдалённой, но по своему потенциалу и последствиям более масштабной кажется проблема, связанная с неуклонным ростом торгово-экономической зависимости Северной Кореи от Китая. Отметим, что в Южной Корее этот вопрос перешёл в разряд широко обсуждаемых и глубоко исследуемых и вызвал с середины 2000-х гг. широкий общественный и политический резонанс. Южнокорейские учёные, политики, журналисты, общественные деятели, наблюдая рост экономической зависимости КНДР от Китая, стали выявлять причины, почему Сеул не может сдерживать неуклонный «дрейф» экономики Пхеньяна в направлении Пекина, а также не стимулируется ли эта тенденция стратегией китайского правительства.

КНДР В ТЕСНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ «ОБЪЯТИЯХ» КИТАЯ

Первые тенденции к превращению КНР в доминирующего торгово-экономического партнёра Северной Кореи стали намечаться в начале 2000-х гг. Преодолев полосу спада 1990-х гг. [1], Китай и КНДР взяли курс на активизацию двусторонних связей. Определённым катализатором этой тенденции стал приход к власти в США Джорджа Буша-мл., который начал проводить агрессивную внешнюю политику, выбрав путь давления на некоторые страны, включая КНДР. Объёмы торговли Северной Кореи с Китаем стали неуклонно расти: в 2003 г. двусторонний оборот превысил отметку в 1 млрд долл. и составил 1 млрд 22 млн долл. Кроме того, стороны подписали ряд важных соглашений, направленных на активизацию взаимодействия в сферах экономики, торговли и инвестиций, сделав таким образом более оптимальной договорно-правовую базу торгово-экономического сотрудничества.

Проведение Пхеньяном ядерных испытаний в 2006 и 2009 гг. вызвало недовольство Пекина, который поддержал введение международных санкций против КНДР. Это несколько замедлило активизацию экономического сотрудничества, но масштаб влияния негативных факторов не был настолько серьёзным, чтобы свернуть экономическое сближение КНР и КНДР. Темпы роста торговли оставались впечатляющими. Особенно сильным был скачок в 2008 г., когда по сравнению с предыдущим годом показатель вырос на 41,2%, достигнув в абсолютном выражении 2 млрд 787,3 млн долл. [2]. В 2010 г. был поставлен очередной рекорд показателей двусторонней торговли — 3 млрд 471 млн долл. В статистике по итогам 2011 г. и этот рекорд побит, так как только с января по октябрь

прошлого года китайско-северокорейский товарооборот составил согласно предварительным оценкам Южной Кореи 4 млрд 673,6 млн долл., что существенно выше показателя 2010 г. [3].

На фоне активизации торговли Северной Кореи с Китаем сотрудничество Пхеньяна с другими странами либо стабилизировалось примерно на одном и том же уровне, либо быстро сворачивалось, зачастую по политическим мотивам. Так, все последние годы второе место в числе крупнейших торговых партнёров КНДР неуклонно принадлежит Южной Корее, но её показатели, достигнув пика в 2007—2008 гг., стали снижаться, что наблюдается и в настоящее время [4, с. 23—28].

Япония, на которую до 2002 г. приходилось около 20% внешнего товарооборота КНДР [5, с. 2], сознательно и последовательно свернула практически все торгово-экономические и прочие контакты с КНДР [6, р. 134]. США никогда не значились в числе главных торговых партнёров КНДР, постоянно увязывая развитие экономического сотрудничества с прогрессом в ядерном разоружении Пхеньяна. В Соединённых Штатах действует целый комплекс разного рода законов и правил, фактически запрещающих либо затрудняющих торговлю с Северной Кореей. Россия пытается время от времени активизировать торгово-экономическое сотрудничество с КНДР, однако в структуре торгового баланса Севера доля РФ в последние годы составляет не более нескольких процентов. Например, в 2010 г. на долю России пришлось менее двух процентов товарооборота КНДР [7].

Таким образом, в последние годы в списке главных торгово-экономических партнёров КНДР на первом месте неуклонно находится Китай, с большим отрывом от него следует Южная Корея; доля остальных стран по отдельности, как правило, не превышает максимум пяти процентов. На этом фоне безусловное лидерство и даже доминирование Китая становится ещё более очевидным. С 1992 по 2000 г. доля КНР в товарообороте КНДР за исключением одного лишь 1993 г. колебалась в пределах от 24 до 27%, однако позже наблюдается резкое увеличение относительных показателей Пекина, в результате чего его доля по итогам 2009 г. превысила 50%, а в 2010 г. — 56,9% [8]. Это превзошло даже показатели СССР во внешней торговле с КНДР в 1990 г. [9, с. 5].

Китай в итоге практически по всем направлениям экономического взаимодействия с КНДР вышел на первое место. Представители КНР — главные инвесторы в экономику КНДР, Пекин — основной поставщик гуманитарной помощи, продовольствия, энергоносителей и т.д.

Весьма важной отличительной чертой торгово-экономических связей между Китаем и Северной Кореей является её хронический торговый дефицит в отношениях с КНР, особенно обозначившийся после 2005 г. По итогам 2005 г. отрицательное торговое сальдо КНДР в торговле с Пекином выросло более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом, составив 588 млн долл. Эта тенденция нашла своё продолжение: 2006 г. — 764 млн, 2007 г. — 811 млн, превзойдя в итоге рубеж в 1 млрд долл. Только

за 2008 г. дефицит составил почти 1,3 млрд долл. (1 млрд 278,2 млн долл.). В 2009 г. он также остался на отметке более 1 млрд, хотя и несколько сократился по сравнению с предыдущим годом — 1 млрд 94,7 млн долл. Примерно на том же уровне — 1 млрд 85 млн — дефицит сохранился и в 2010 г. [10].

В последние годы важную роль в развитии северо-корейско-китайского экономического сотрудничества сыграли принятые в КНР крупномасштабные программы, нацеленные на развитие северо-восточных провинций страны — Ляонин и Цзилинь. Так, в 2003 г. правительством КНР была утверждена стратегия экономического и социального развития этих провинций: предусматривается реализация около 100 крупных проектов на общую сумму 61 млрд юаней. Данная стратегия позже была конкретизирована и стала реализовываться в виде отдельных планов и программ, предназначенных для каждой из трёх провинций. Так, в августе 2007 г. был принят «План развития Северо-Востока» сроком на 15 лет, в июле 2009 г. — программа развития «приморского пояса провинции Ляонин», в августе 2009 г. Госсовет КНР одобрил программу по созданию «Региональной пилотной зоны экономического развития» в провинции Цзилинь в треугольнике городов Чанчхун, Цзилинь и Тумэнь [5, с. 2—4].

Эти программы приняты полностью в интересах КНР. Во-первых, провинции непосредственно граничат с КНДР, активизация уровня их экономического развития вольно или невольно приводит к развитию связей с соседней Северной Кореей. Во-вторых, в китайских планах прямо прописана «увязка» развития Северо-Востока КНР с реализацией ряда инфраструктурных проектов в КНДР. Китайским поставщикам необходим выход к портам Восточного (Японского) моря, которые находятся на территории КНДР буквально в нескольких десятках километров от китайско-северо-корейской границы. Так, в опубликованном в июне 2005 г. «Положении о расширении зарубежного сотрудничества и открытости устаревшей промышленной базы Северо-Востока КНР» прямо указана необходимость «координации развития и формирования в едином ключе развития дорог, портов и районов» Северо-Востока КНР и северо-корейских объектов [11, с. 237]. Запланирована и уже ведётся модернизация трасс Хунчхун (КНР) — Расон (КНДР), Тумэнь (КНР) — Чхончжин (КНДР) и т.д. До 2020 г. северо-восточные провинции КНР примут участие в девяти проектах соединения транспортных артерий Китая и Северной Кореи. На эти нужды планы развития провинций Ляонин и Цзилинь предусматривают расходы в размере 2 млрд 370 млн долл. [12, с. 12].

Китайцев, судя по всему, крайне привлекает именно северо-корейская СЭЗ Расон. Представители КНР заявили о намерении инвестировать в эту зону 2 млрд долл. [13]. Однако уже в феврале 2012 г. появились сообщения, что объём китайских инвестиций в Расон увеличен до 3 млрд долл. Китай же при этом получил в долгосрочную аренду на 50 лет четыре из шести терминалов порта. Для эффективного функционирования данного транспортного узла китайские компании помимо модерни-

зации самих причалов намерены построить там электростанции, аэропорт, железную дорогу и прочие объекты [14].

В результате к концу первого десятилетия XXI в. в сфере китайско-северокорейских отношений КНР окончательно превратилась, безусловно, в главного и доминирующего торгово-экономического партнёра и основного внешнего инвестора в Северную Корею, при этом, насколько можно судить, эта тенденция со временем не ослабевает, а, наоборот, усиливается. На долю только Китая приходится больше товарооборота КНДР, чем на все остальные страны, вместе взятые.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: БЕСПОКОЙСТВО ПО ПОВОДУ ВОЗМОЖНОЙ «ПОТЕРИ» СЕВЕРА

В последние годы нарастает обеспокоенность со стороны представителей Южной Кореи. Правда, эти фобии по ряду причин всё же не приводят к попыткам Сеула как-то сбалансировать «чрезмерную» зависимость Пхеньяна от Пекина. Наиболее ярко тревожные настроения в самой Южной Корее часто обобщают под названием «теории о четвёртой северо-восточной провинции Китая». Ряд экспертов, разделяющих эту точку зрения, полагают, что со временем КНДР может де-факто (а может, и официально) превратиться в четвёртую после Ляонина, Цзилиня и Хэйлунцзяна провинцию Северо-Востока КНР [13]. Естественно, что после этого обо всех планах по воссозданию единого корейского государства Сеулу придётся забыть.

Данная точка зрения получила дополнительный импульс после 2002—2004 гг., когда между Китаем и Южной Кореей разгорелся спор об исторической принадлежности древнего княжества Когурё, которое существовало более полутора тысяч лет назад на территории современной Северной Кореи и северо-восточной части КНР. Научные дискуссии, которые быстро получили националистический оттенок, сопровождались широким освещением в СМИ и в итоге стали предметом непростых китайско-южнокорейских переговоров на высшем уровне и восприняты рядом специалистов в Южной Корее как ещё одна составляющая комплексного плана по аннексии КНДР и присоединении её к Китаю [14, р. 3—17].

Менее радикальные южнокорейские подходы в рамках «теории о четвёртой провинции Северо-Востока КНР» заключаются в том, что КНДР идёт по пути чрезмерной экономической зависимости от Китая. Пекин вряд ли вынашивает планы по формальному присоединению к себе Северной Кореи, но на практике чисто экономически Пхеньян может оказаться в такой зависимости, которая неизбежно будет накладывать ограничения на принятие решений в том числе и в сфере политики [15, с. 10].

Обеспокоенность чрезмерной экономической зависимостью КНДР от Китая озвучивалась и на самом высоком уровне в Южной Корее. Так, президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун в своё время говорил: «Китайский

капитал и товары всё больше проникают в Северную Корею. Существует вероятность, что КНДР в итоге превратится в государство-сателлит Китая. Только путём последовательного проникновения южнокорейского капитала на Север можно остановить эту тенденцию» [16, с. 1]. В Южной Корее далеко не все полагают, что дело дошло до утраты Северной Кореей свободы действий из-за чрезмерной зависимости от Китая. Ещё меньше тех, кто в самом деле считает, что Пекин планирует рано или поздно аннексировать КНДР. Другая распространённая точка зрения заключается в том, что нынешняя ситуация обусловлена совокупностью сложившихся объективных факторов [17, с. 26—27]. Есть также мнение, что, активизируя сотрудничество с КНДР, Китай помимо всего прочего пытается подтолкнуть Пхеньян к проведению реформ в экономике по китайскому образцу — в сторону большей открытости и свободного рынка [18, с. 65; 20].

В любом случае в том или ином виде обеспокоенность по поводу «чрезмерного», с точки зрения Сеула, экономического влияния Китая на Северную Корею давно является одной из часто поднимаемых тем при обсуждении текущей ситуации на Корейском полуострове и перспектив её развития.

«ЧРЕЗМЕРНАЯ» ИЛИ «НЕИЗБЕЖНАЯ» НА ДАННОМ ЭТАПЕ ЗАВИСИМОСТЬ КНДР ОТ КИТАЯ?

Как часто бывает, одну и ту же ситуацию трудно охарактеризовать в категоричных чёрно-белых тонах, чётко отделяя одни тенденции от других. Многое также начинает видеться в совершенно ином свете при взгляде на проблему под другим углом зрения. Всё это можно сказать и по поводу китайско-северокорейских отношений. Действительно ли Северная Корея всё больше зависит в сфере экономики от Китая? Пожалуй, да. По крайней мере, это подтверждается как объективной статистикой, так и субъективными взглядами отдельных людей. Означает ли, что в таком случае КНДР встала на путь утраты своего суверенитета? В определённой степени пространство для манёвра у Пхеньяна сужается.

С другой стороны, в КНДР понимают, что полный крах режима власти в Северной Корее, с точки зрения национальных интересов Пекина, крайне нежелателен, что позволяет Северу чувствовать себя свободнее. Способность к самостоятельному курсу КНДР продемонстрировала в 2006 и 2009 гг., проведя ядерные испытания, зная, что это будет негативно воспринято Китаем, который хотя и выразил своё осуждение, но не снизил уровень и масштабы экономического сотрудничества с Северной Кореей [22, с. 21]. Также справедливым будет отметить, что КНР отнюдь не всегда откликается на призывы КНДР выделить помощь. Так, например, произошло во время северокорейско-китайского саммита в Пекине в мае 2011 г., когда КНР никак не отреагировала на просьбу Севера предоставить крупные партии помощи. Пекин также выступает

с прагматичных позиций, когда дело касается конкретных инвестиционных проектов. Официальные лица Китая неоднократно подчёркивали, что двустороннее сотрудничество должно приносить выгоду обоим участникам, а не только Пхеньяну [24, с. 916].

Обоснованы ли часто звучащие в Южной Корее опасения по поводу чрезмерной ориентации экономики КНДР на Китай? И да, и нет. Самые крайние формы южнокорейских «фобий», выражающиеся в том, что КНР намерена присоединить себе КНДР в качестве «четвёртой северо-восточной провинции», вряд ли реальны. Проблема, однако, в том, что они достаточно распространены на бытовом уровне, а также весьма часто муссируются в СМИ и отдельными политическими силами. С другой стороны, с точки зрения ориентации экономических связей, выстраивания производственных цепочек Северная Корея, действительно, всё больше входит в орбиту влияния Китая и, рассуждая с позиций Сеула, может стать проблемой в случае объединения. Как минимум Китай, без согласия которого будет трудно добиться объединения Корейского полуострова, скорее всего, потребует сохранения своих «особых позиций» на территории КНДР. Некоторое беспокойство Юга оправдано. Вместе с тем уже давно создалось мнение, что Южная Корея никак не может выработать долгосрочную реалистичную линию в отношении Севера и «мечется» (в зависимости от того, какие силы стоят у власти) между курсом на развитие сотрудничества с КНДР и жестким «принципиальным» подходом к Пхеньяну. На этом фоне вполне естественна и логична вынужденная ориентация КНДР на Китай в связи с отсутствием реальных альтернатив.

При этом и самому Китаю нет никаких причин намеренно отказываться от сотрудничества с КНДР. Как минимум эта активизация связей легко объясняется и объективными соображениями экономической выгоды и целесообразности для Китая. Во-первых, как уже отмечено, северо-восточные провинции КНР нуждаются в портах для вывоза своих товаров на юг страны. Использование северо-корейских портов Рачжин, Сонбон, Чхончжин позволяет китайцам не только сократить расходы на транспорт, но и сэкономить время. Например, по подсчётам китайских экономистов, доставка грузов из районов Северо-Востока КНР на юг Китая через порт КНДР Рачжин обходится втрое дешевле, чем перевозка в том же направлении по китайской железной дороге [22]. Кроме того, Китаю нужны новые рынки сбыта, во-вторых, китайская рабочая сила становится постепенно всё более дорогой, что заставляет китайских производителей обращать внимание на соседние страны, где эти расходы ниже, включая КНДР [23, с. 909]. Очевидно также, что быстрорастущей экономике Китая требуются новые природные ресурсы, которые он начинает искать практически по всему миру, включая Латинскую Америку и Африку. Неудивительно, что китайцы проявляют повышенный интерес к расположенной совсем рядом Северной Корее, где есть значительные запасы полезных ископаемых [24].

Таким образом, опасения представителей Южной Кореи имеют под собой определённую почву, хотя зачастую и принимают гипертрофированные формы. Северная же Корея не имеет сейчас иной альтернативы, потому что другие государства, за исключением Китая, либо намеренно свернули экономическое сотрудничество с КНДР (Япония, США, ряд стран Европы), либо также целенаправленно не пытаются его активизировать (Южная Корея), либо не имеют возможности для резкого увеличения масштабов взаимодействия с Пхеньяном (Россия и другие страны). С точки зрения Китая, также нецелесообразно отказываться от того, что несёт выгоду. Как следствие — неуклонный рост торгово-экономического сотрудничества между КНР и КНДР с постоянным увеличением зависимости Севера от Китая в сфере деловых отношений.

ПРОГНОЗ НА БЛИЖАЙШУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Несмотря на постоянно циркулировавшие в последние годы среди экспертов и представителей СМИ слухи и разговоры о серьёзных проблемах со здоровьем у лидера КНДР Ким Чен Ира, его смерть 17 декабря 2011 г. стала неожиданностью. Экспертов сейчас волнуют два основных вопроса. Во-первых, какие изменения претерпит структура власти в Северной Корее с учётом того, что новому лидеру КНДР 29-летнему Ким Чен Ыну объективно не хватает опыта управления страной и он слишком молод. Во-вторых, по какому пути в самом широком смысле слова пойдёт дальнейшее развитие Северной Кореи в сфере экономики, политики, общественных преобразований.

Учитывая тему исследования, для нас наибольший интерес представляет более узкий, но не менее важный вопрос о перспективах развития отношений между Пекином и Пхеньяном. С точки зрения ближайшей перспективы, можно предположить, что две страны будут только укреплять и активизировать связи друг с другом, следствием чего станет, в первую очередь, расширение двустороннего товарооборота и прочих видов сотрудничества. Здесь снова интересы Пекина и Пхеньяна совпадают по самому главному вопросу: обе страны хотят, чтобы ситуация в КНДР, несмотря на потрясения и неопределённость, вызванные смертью Ким Чен Ира, оставалась стабильной и предсказуемой. Примечательно, что Китай первым выразил свои соболезнования в связи со смертью Ким Чен Ира и подчеркнул свою заинтересованность в стабильности региона. Как заявил 19 декабря 2011 г. официальный представитель МИД КНР, Китай продолжит оказывать помощь и «...делать активный вклад в мир и стабильность на Корейском полуострове и в регионе» [24].

Северная Корея также заинтересована в поддержании и развитии сотрудничества с КНР, так как только при условии сохранения внутренней и внешней стабильности она может надеяться, что процесс реальной, а не формальной передачи рычагов управления страной пройдёт без сбо-

ев. Точка зрения на то, что после смерти Ким Чен Ира Пекин и Пхеньян будут ещё больше сближаться, находит поддержку у многих специалистов по КНДР. Так, профессор Университета северокорейских исследований в Сеуле Ли У Ен отметил, что «...КНДР для гарантии своей стабильности будет уделять ещё больше внимания торговле с Китаем. КНР, в свою очередь, также заинтересована в устранении всякой неопределённости, касающейся КНДР. Принимая всё это во внимание, две страны возьмут курс на дальнейшее сближение» [25]. Большинство экспертов сходятся во мнении, что в ближайшей перспективе объёмы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и КНДР будут расти. Параллельно продолжит увеличиваться и доля Пекина во внешней торговле Северной Кореи, т.е. тенденция, которая стала отчётливо заметна примерно с середины 2000-х гг., продолжится. Так, проведённый среди южнокорейских экспертов опрос показал доминирование взглядов, смерть Ким Чен Ира приведёт лишь к усилению влияния Пекина на Пхеньян; 80% опрошенных согласились с этим мнением, 20% считают, что всё «останется на прежнем уровне». Примечательно, что ни один из экспертов не считает, что зависимость КНДР от Китая при новой власти в Северной Корее уменьшится [27].

В пользу этого говорят и объективные данные. Как уже отмечалось, за последние годы объёмы товарооборота КНДР с Китаем росли опережающими темпами по сравнению с объёмами торговли Северной Кореи с другими странами. Данная тенденция продолжилась и в 2011 г. Согласно предварительным оценкам южнокорейских научных институтов, с января по октябрь 2011 г. объём торговли между КНР и КНДР составил 4 млрд 673 млн 650 тыс. долл., что на 75% больше показателя за этот же период 2010 г. и больше показателя всего товарооборота за 2011 г. в целом, который составил около 4,17 млрд долл. Высока вероятность того, что в ближайшие годы, как считают в Сеуле, КНР и КНДР перешагнут отметку в 10 млрд долл.

Южнокорейские специалисты обоснованно прогнозируют, что с учётом пассивности Сеула, нежелания либо невозможности других стран увеличивать свою торговлю с КНДР, продолжения режима международных санкций доля Китая в общем внешнеторговом обороте Северной Кореи будет расти. При этом очевидно, что Пекин будет обращать особое внимание на инвестирование в северокорейскую СЭЗ Расон и находящиеся на её территории портовые инфраструктуры. Многие специалисты считают, что от получения доступа к морю зависит успех крупномасштабной программы развития «Региональной пилотной зоны экономического развития» в провинции Цзилинь в треугольнике городов Чанчхун, Цзилинь и Тумэнь. По заявлению официальных представителей КНР, они намерены превратить Расон в «крупнейшую промышленную зону Северо-Восточной Азии». Эти планы находят полную поддержку со стороны властей КНДР, которые не только существенно облегчили режим инвестирования в этот регион, но и приняли ряд других мер,

призванных облегчить ведение бизнеса в СЭЗ для представителей иностранного капитала (в первую очередь для китайцев) [27].

Вместе с тем отметим, что в ближнесрочной перспективе увеличение доли Пекина во внешней торговле Пхеньяна и общее усиление влияния Китая на КНДР, пожалуй, неизбежно; в средней и долгосрочной перспективе многое будет зависеть от того, какую позицию займут окружающие страны, в первую очередь Южная Корея. Кто бы ни пришёл к власти на Юге в результате запланированных на конец 2012 г. президентских выборов, новая администрация неизбежно внесёт коррективы в позицию Сеула по отношению к Пхеньяну. Многие эксперты отмечают, что вне зависимости от причин при президенте Республики Корея Ли Мен Баке межкорейские отношения ухудшились, что отразилось на возможности Юга влиять на КНДР. Это стало одной из причин, продолжающей подталкивать Пхеньян к развитию сотрудничества с Пекином. Однако появление в КНДР нового руководства во главе с Ким Чен Ыном, а также приход к власти в Южной Корее других людей может стать хорошим поводом «начать с чистого листа». Если данный подход реализуется, высока вероятность того, что Юг опять начнёт играть роль противовеса растущему влиянию Китая на КНДР. Кроме того, насколько можно судить, в Пхеньяне в полной мере осознают все опасности и риски, связанные с чрезмерным ростом зависимости КНДР только от одной страны, пусть даже считающейся «главным другом и союзником» [28, с. 371]. Так что потенциал у Южной Кореи для восстановления своих позиций в отношении КНДР есть, однако само южнокорейское общество, судя по всему, пока точно не определило долгосрочный курс по северокорейскому вопросу. Общество Юга разделено примерно поровну на три части: сторонников развития сотрудничества с КНДР, сторонников жёсткого давления на Северную Корею и колеблющуюся прослойку, чьи движения в ту или иную сторону в ходе выборов приводят к власти то консерваторов, то либеральные силы. Вероятнее всего, любые попытки реализовывать программы межкорейского сотрудничества будут сталкиваться с критическими замечаниями и требованиями «...прекратить оказывать поддержку тоталитарному и репрессивному режиму КНДР». С другой стороны, зачастую те же самые люди будут с таким же рвением говорить о «...коварных планах Пекина поставить Пхеньян под свой полный контроль путём увеличения экономической зависимости».

Видимо, Южной Корее рано или поздно придётся выбирать. Если же колебания продолжатся, то вполне возможно, что станут реальностью высказываемые в Сеуле опасения по поводу формирования в КНДР экономической структуры, полностью ориентированной на нужды китайской экономики. А это будет означать серьёзные проблемы на пути реализации идеи объединения корейской нации. Такой сценарий вполне реален (что опасно для Юга) и вполне реализуем под влиянием объективных факторов нынешней экономической логики развития без всяких «теорий заговора со стороны КНР».

В отношении позиции Сеула на северокорейском направлении актуальны слова известного российского корееведа Георгия Толорая: «В долгосрочном плане у Юга нет альтернативы возвращению к активному сотрудничеству с Пхеньяном, если Республика Корея не хочет оказаться в стороне от процессов экономической интеграции КНДР, которые в настоящее время уже идут в китайском направлении намного интенсивнее, чем в южнокорейском. Учитывая сохраняющийся раскол в южнокорейском обществе в отношении КНДР, следующему президенту РК придётся корректировать северокорейский подход своего предшественника в сторону большей гибкости и поиска взаимоприемлемых компромиссов» [35].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Объём двусторонней торговли снизился с 900 млн долл. в 1993 г. до 370,4 млн в 1999 г. — Данные Korea International Trade Association (КИТА) за соответствующие годы. [электронный ресурс]. URL: www.kita.net (дата обращения: 15.03.2011).
2. Статистические данные за указанные годы приведены по электронному справочнику КОТРА. Пукханы Тэвемуктонхян 1998—2009 = Тенденции внешней торговли КНДР в 1998—2009 гг. [электронный ресурс]. URL: www.kotra.or.kr (дата обращения: 20.05.2011).
3. Пукхандо оль мук сасан чхвего = КНДР и в этом году поставит рекорд по объёмам внешней торговли // Хангук Ильбо. 13.12.2011. Кор. яз.
4. В 2007 г. межкорейская торговля составила около 1 млрд 790,9 млн долл., в 2008 г. — 1 млрд 820 млн, 2009 г. — 1 млрд 680 млн и т.д. Чхе Су Ён. Пукчункенчжеквангеа намбуккенхены тэбук пхэгыпхекква пигепунсок = Сравнение и анализ эффекта северокорейско-китайского экономического сотрудничества и межкорейских связей на экономику Северной Кореи. Сеул: KINU, 2010. 153 с. Кор. яз.
5. Сон Чхэ Ги. Пук-чун кенчжекванге мильчагы ыми: есокхваинга? = Значение сближения экономических отношений между Китаем и КНДР: происходит ли подчинение? Сеул: KIDA, 2010. 5 с. Кор. яз.
6. В 2000 г. объём японо-северокорейской торговли составил 463,7 млн долл., в 2001 г. — 474,7 млн, в 2002 г. — 369,5 млн долл. Mimura, Mitsuhiro. Recent Economic Relations between Japan and North Korea // in Kim, Kyuryoon, North Korea's External Economic Relations. Seoul: KINU, 2008. 180 p.
7. Статистические данные КОТРА за 2010 г. Кор. яз. [электронный ресурс]. URL: www.kotra.or.kr (дата обращения: 20.05.2011).
8. Статистические справочники за указанные годы. КОТРА. Кор. яз. [электронный ресурс]. URL: www.kotra.or.kr (дата обращения: 20.05.2011).
9. Самсонкенчжеенгусо. Пукчун кенчжемильчагы пэгенквасисачом = Экономическое сближение Северной Кореи и Китая: общая ситуация и замечания. Сеул: SERI. 2010. Кор. яз.
10. Статистические справочники КОТРА, КИТА и Министерства по делам объединения Южной Кореи за 2005—2010 гг. Кор. яз. [электронный ресурс]. URL: www.kotra.or.kr, www.kita.net, www.unikorea.go.kr (дата обращения 16.09.2011).
11. Вон Дон Ун. Тонбуккончжоны нэчжехва, чунгук тонбукчик инпхыра кэбары чоллякжок хамы = Осуществление плана сосуществования в СВА, стратегическое значение китайских инфраструктурных проектов на Северо-Востоке // Кукчечончхи = Международная политика. 2009. С. 215—242. Кор. яз.

12. Самсонкенчеенгусо. Пукчун кенчжемилъчагы пэгэнгва сисачом = Экономическое сближение Северной Кореи и Китая: общая ситуация и замечания. Сеул: SERI, 2010. 31 с. Кор. яз.
13. North Korea Newsletter // Yonhapnews Agency. No. 152. 2011.7 Apr.
14. Китай получил в аренду на 50 лет северокорейский порт Расон // Российская газета. 2012. 15 февр.
15. Is North Korea Becoming China's Fourth Northeastern Province? // Chosun Ilbo. 2005. October 15.
16. Gries, H. Piter. The Koguryo Controversy, National Identity, and Sino-Korean Relations Today // East Asia: An International Quarterly. 2005. 22:4, Winter. P. 3—35.
17. Чо Мен Чоль. Чунгугы тэбукхан кенчжеземнекчончхэк пенхвава чонман = Перемены в политике экономического сотрудничества КНР с КНДР и перспективы развития. КИЕР: Оныре Сегекенче = Мировая экономика сегодня. 2010.28.12. С. 9. Кор. яз.
18. Юн Ток Мин. Пукханын чунгугы висонкуккага твего маль госинга? = Превратится ли Северная Корея в государство-спутник Китая? Сеул: Мирэчоллякенгвон, 2006. 5 с. Кор. яз.
19. Чхве Су Ён. Пукчункенчжеквангева намбуккенхены тэбук пхагыпхекква пигепунсок = Сравнение и анализ эффекта северокорейско-китайского экономического сотрудничества и межкорейских связей на экономику Северной Кореи. Сеул: KINU, 2010. 153 с. Кор. яз.
20. Kim, Heungkyu. From a Buffer Zone to Strategic Burden: Evolving Sino-North Korea Relations during the Hu Jintao Era // Korean Journal of Defense Analysis. 2010. March. Vol. 22, No. 1. P. 57—74.
21. Кимчжонильпанчжун: сильче тыронян кимчжонильпанчжун мокчок = Визит Ким Чен Ира в Китай: Стали известны истинные цели поездки Ким Чен Ира в КНР // ЁнхапНьюс. 2011. 22 мая. Кор. яз.
22. Zhang, Hui. Ending North Korea's Nuclear Ambitions: The Need for Stronger Chinese Action. // Arms Control Today. 2009. Jul/Aug. P. 17—25.
23. Kim, Jae Cheol. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // Asian Survey. 2006. Volume XLVI, NO. 6, November/December. P. 898—916.
24. Пукчун тонхэ ханно (тонбукЗсон-Расонхан-Санхай) мандыро хангук евоссана = КНДР и КНР создают «путь по Восточному морю (3 северо-восточные провинции КНР — порт Расон — Шанхай)» и окружают Южную Корею? // Чосон Ильбо. 2011. 23 марта.
25. Kim, Jae Cheol. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // Asian Survey. 2006. Volume XLVI, No. 6, November/December. P. 898—916.
26. NK reliance on China will accelerate // The Korea Times. 2011. December 20.
27. «Чун, тэбукенхэннек то кхочжилъ гот» 80% = 80% экспертов считают, что «влияние Китая на Север увеличится» // Соуль Синмун. 2011. 22.12. Кор. яз.
28. Пукхандо оль мукэк сасан чхвего = КНДР и в этом году поставит рекорд по объёмам внешней торговли // Хангук Ильбо. 2011.13.12. Кор. яз.
29. Пукхан кенче, чунгук ычжон то симхэчжил тыт = Зависимость северокорейской экономики от Китая, скорее всего, будет расти // Чунан Ильбо. 2011.21.12. Кор. яз.
30. North Korea Newsletter // Yonhapnews Agency. 2011. April 7.
31. Choo, Jaewoo. Mirroring North Korea's Growing Economic Dependence on China // Asian Survey. 2008. Volume XLVIII, No. 2, March/April. P. 343—372.
32. Толорая Г. Корейский полуостров и Россия: проблемы взаимодействия // Международная жизнь. Ноябрь 2002 г. [электронный ресурс]. URL: <http://easttime.ru/analitic/3/8/549.html> (дата обращения 11.10.2011).